

Нечаева Евгения Феликсовна

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/60.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 11 (30): в 2-х ч. Ч. II. С. 166-168. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3. Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра: Издательский отдел Владимирской епархии, 1995.
4. Любомудров А. Опыт духовного романа // Шмелев И. С. Пути небесные. М.: Дарь, 2007. 848 с.
5. Махортова М. Уроки монастыря для светского воспитания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voskres.ru/school/uroki.htm>
6. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Концерн «Возрождение», 1992. Т. 2. 2464 с.
7. Шмелев И. С. Пути небесные. М.: Дарь, 2007. 848 с.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Нечаева Евгения Феликсовна

Московский педагогический государственный университет

Культурологи видят сегодня задачу культурологии в том, чтобы «построить “генетику” культуры, которая бы не только объясняла историко-культурный процесс в мировом и национальном масштабах, но могла бы прогнозировать этот процесс. Поставленная задача предполагает решение, по меньшей мере, следующих фундаментальных проблем:

- открытие «гена» и «генетического кода» культурных феноменов, т.е. базисных структур, которые ответственны за сохранение и передачу социального, человеческого опыта;
- изучение факторов, оказывающих расшатывающее, мутационное воздействие на «гены» культурно-исторических образований, перестраивающих их «код»;
- изучение последствий таких мутаций - это и есть реальная, раскрываемая теперь в своей сущности, история очеловечивания мира» [3, с. 13].

Такое понимание предмета и задач культурологических исследований требует вовлечения и научный оборот обширного, разностороннего материала из многих областей и сфер социального творчества (науки, политической деятельности, религии, искусства), но главным полем исследования в этой области знания должны стать образ мысли, жизни и деятельности этнических групп, народов как субъектов истории. В связи с этим первостепенное значение будут иметь лингвистические исследования, позволяющие выявить фундаментальные принципы того или иного языкового сознания. Как показывает обзор российских современных лингвистических исследований, отечественная наука сосредотачивает внимание именно на этом.

Язык, его грамматический строй, лексика и фразеология, представляет собой некий код, определяющий своей структурой особенности того или иного языкового сознания. Выявление через языковые структуры особенностей того или иного языкового сознания и четкое доказательство его закономерностей на основании подробного анализа всех лексико-грамматических и фразеологических тонкостей языка представляется нам одним из самых перспективных и нужных направлений современной науки о языке. Лингвист, не давая оценок, что хорошо, что плохо, констатирует и доказывает языковыми факторами наличие или отсутствие тех или иных черт национального характера в языке. Причем, иногда носителю языка труднее понять сущность своего языка, чем иностранному исследователю. Для этого необходим так называемый «выход из языкового сознания», отстраненность от родного языка. Поэтапный анализ ключевых структур, отражающих суть языкового сознания - огромная работа для носителей всех языков и на многие десятилетия. Однако, можно предположить, что в будущем эти данные могут быть суммированы, учитывая современные технологические возможности, и человечество сможет подойти к возможности выявления определенного языкового кода для каждого языка и каждого языкового сознания. Многим с детства знакомо древнее изречение: ты столько раз человек, сколько языков ты знаешь. Современная лингвистика вплотную подошла к возможности с научной точки зрения объяснить этот факт. Овладевая иностранным языком, человек постепенно меняется ментально, приобретает черты, характерные для другого языкового сознания.

На сегодняшний день в российских работах термин «языковое сознание» употребляется очень широко. Существует множество различных определений языкового сознания. Словарь лингвистических терминов О. С. Ахмановой дает следующее определение: языковое сознание - это «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах языка» [1, с. 18].

Т. Г. Ангелова трактует языковое сознание как «некоторое хранилище фоновых знаний в виде фреймов или психических схем» [6, с. 10].

Е. Ф. Тарасов понимает языковое сознание как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей» [6, с. 3].

П. Я. Гальперин и О. Я. Кабанова дают следующее определение: «языковое сознание - это закрепленный в грамматических значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящим на данном языке» [2, с. 111-112]. Мы разделяем точку зрения, что грамматический строй языка представляет собой основу языкового сознания носителя.

Например, выражение намерения что-либо сделать по формуле: *I am going to do* или *Je vais faire qch* (идти делать что-либо) в английском и французском языках представляет собой принципиально другое намерение, чем в русском языке, выражаемое формулой: *собираться* (т.е. *собирать себя*) что-либо сделать. В психологии есть понятие «чистого намерения». В английском и французском языках чистое намерение существует на уровне грамматического строя. Однако, на наш взгляд, грамматический строй языка является источником для выявления особенностей языкового сознания наравне с лексикой и фразеологией. В связи с этим мы предложили бы добавить этот аспект в определение, данное П. Я. Гальпериным и О. Я. Кабановой: языковое сознание - это закрепленный в лексико-грамматическом строе специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящем на данном языке. В таком виде, на наш взгляд, это определение в полной мере отражает сущность того понятия, которое мы называем языковым сознанием. Возможность выявления особенностей языкового сознания реализуется посредством поэтапного анализа ключевых концептов культуры, а с точки зрения герменевтики - лингвистического подхода, «предельных понятий культуры» совокупность которых и составляет особенность языкового сознания.

Герменевтический подход основан на принципах «понимания» и «интерпретации». Герменевтика позволяет «показать Понимание как “работу понимания”, осуществляемую в многомерном пространстве содержаний, и тем самым “схватить” Понимание как таковое в его целостности. Герменевтический метод есть метод работы с многомерными пространствами» [4, с. 27].

Процесс понимания начинается с плоскости рефлексии, т.е. «размышлений» о смыслах тех или иных явлений. Суть герменевтического подхода к исследованию многомерных концептов заключается в следующем: исследователь исходит от «понятия» (модели) и проверяет модель на фактах языка, лексико-грамматических средствах выражения этого понятия в языке, анализируя все смыслы и значения, затем возвращается к модели (понятию) и делает необходимые выводы.

Важным моментом является то, что наполнение концептов смыслами в разных культурах может различаться.

Исследование многомерных концептов с опорой на герменевтико-лингвистический подход, таким образом, проходит в трех плоскостях:

- плоскости рефлексии (имя понятия);
- онтологической плоскости (плоскости значений и смыслов);
- плоскости ситуации (поиск значащих определений понятия в данной системе лингвистического мышления).

Мы видим, что такой порядок работы дает нам большие преимущества в исследовании многомерных концептов. Во-первых, это позволяет обращаться не к семантике, а к смысловому наполнению понятия, оставаясь в рамках лингвистического исследования, во-вторых, мы исходим из осмысления концепта в одной лингвокультуре и сопоставления со смыслами того же концепта в другой лингвокультуре.

Осмысление осуществляется посредством интерпретации. Интерпретация по П. Рикеру: «Работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенном в буквальном значении» [Цит. по: Снитко, 1999, с. 140].

Определение предельных понятий культуры (Т. Н. Снитко), базируется на установлении разницы между Западной и Восточной культурами по типам мышления. Под Западной культурой понимается культура Европы, а под Восточной - культура Азии: Индии, Китая, Японии. Осуществив попытку проанализировать культурные продукты Европейского и Восточного типов с целью найти самую общую характеристику их мышления, Т. Н. Снитко приходит к выводу, что Западная культура основывается на типе мышления *Познание*, а Восточная - на типе *Понимание*. Осуществить глубинное изучение этих типов культур оказывается возможным, основываясь на анализе так называемых «предельных понятий» каждой культуры. Называя понятия «предельными», Т. Н. Снитко имеет в виду «наивысшую, максимальную степень абстрагирования, достигаемую мышлением в попытке осмысления мира» [Там же, с. 3]. Предельные понятия являются базовыми для культуры в том смысле, что своей природой они указывают на основной тип присущего ей мышления. «Предельные понятия Восточной лингвокультуры есть иероглифы - понятия, имеющие особый статус, их смыслы изначально заданы, принадлежат Небытию, и поэтому невербализуемы, невыражаемы языком. Западная культура, напротив, в соответствии с собственной внутренней тенденцией к объективации познанного, проявляет стремление к максимальной вербализации, языковому воплощению смысла, порождаемого в пространствах содержания философов. В связи с этим, проблема предельных понятий в Западной лингвокультуре оказывается проблемой языка Западной метафизики» [Там же, с. 14].

Т. Н. Снитко приводит примеры основных предельных понятий Западной лингвокультуры - Бытие, Бог, душа, природа, язык, жизнь, человек - и замечает, что именно в философии эти понятия проявляют себя в своей предельности, хотя все европейские языки могут иметь эти же слова в обыденном языке [Там же, с. 5]. Средством образования предельных понятий является абстракция. Высокая степень абстракции, свойственная предельным понятиям, делает их безденотатными и безреферентными, т.е. «пустыми». Можно определить предельные понятия (для Западной лингвокультуры) как абстрактные понятия, совокупность смыслов которых становится определяющей для того или иного языкового сознания. Сама Т. Н. Снитко определяет предельные понятия как: «некие ‘точки’ или топосы (места) в культуре, которые, будучи таковыми, “пусты”, но одновременно являются точками сосредоточения содержаний особого рода: предельные понятия соотносятся не с объектами, а с совокупностью предельных значений и смыслов.

Сущность предельных понятий - не их предмет, а предельное мышление о мире... Иначе говоря, возможность выделить максимальное число культурных смыслов и есть их предмет» [Там же, с. 12]. Предельные понятия, будучи 'пустыми', т. е. абстрактными, собирают на себе все новые и новые культурные смыслы, тем самым постоянно осуществляют выход за пределы собственного бытия. На основании этого Т. Н. Снитко делает заключение, что «список собираемых» предельным понятием культурных значений и смыслов постоянно *открыт*» [Там же, с. 13], т. е., как мы понимаем, смысловое содержание этих понятий может варьироваться в зависимости от исторических и социальных условий развития того или иного общества, а соответственно, изменений языкового сознания.

В наиболее общем виде Т. Н. Снитко характеризует предельные понятия перечислением следующих функциональных свойств:

1. Предельные понятия являются продуктом предельного мышления определенного типа.
2. Предельные понятия являются 'пустыми' - они безденотатны и безреферентны.
3. Предельные понятия обладают максимально возможной степенью абстракции.
4. «Предметом» предельных понятий являются 'перебираемые' культурные значения и смыслы.
5. Экстенционал предельных понятий абсолютен, интенционал стремится к нулю.
6. Предельные понятия способны создавать 'рамку' для рассмотрения других понятий и предметов.
7. Предельные понятия позволяют 'держат' культуру как целое [Там же, с. 14].

Важным качеством предельных понятий является связанность этих понятий между собой, что, по нашему мнению, и представляет особый интерес для исследователей, как лингвистов, так и философов. Одно понятие может имплицитировать другое («смерть» - «время»), выражаться через другое («время» - «пространство»), составлять оппозицию («жизнь» - «смерть») и т. д. [Там же, с. 46].

С нашей точки зрения наибольший интерес для исследования и компаративного анализа представляют отношения между самими предельными понятиями, которые мы называем *фундаментальными отношениями* внутри лингвокультуры. Оппозиция *Я - Другой*, являющаяся объектом нашего исследования, является, на наш взгляд, примером такого фундаментального отношения.

Поэтапный анализ предельных понятий и фундаментальных отношений лингвокультуры позволит определить сущностные особенности языкового сознания и то, как изучение соответствующего иностранного языка может повлиять на языковую личность.

Известно, что XXI век провозглашен ЮНЕСКО веком полиглотов. Можно предположить, что следующий век будет веком так называемых «осознанных» полиглотов, когда человек будет изучать язык, зная его ментальный код и желая изменить собственную жизнь, индивидуальную картину мира путем познания конкретного иностранного языка, что даст ему возможность изменить и собственный строй мысли в нужном ему направлении.

Список использованной литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Кабанова О. Я. Языковое сознание как основа формирования речи на иностранном языке / О. Я. Кабанова, П. Я. Гальперин // Управление познавательной деятельностью учащихся / под ред. П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 109-133.
3. Культурология: учебное пособие / под ред. проф. Г. В. Драча. М.: Альфа-М, 2009. 413 с.
4. Снитко Т. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах: монография. Пятигорск: Пятигорск. лингв. ун-т, 1999. 156 с.
5. Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987. 166 с.
6. Языковое сознание: содержание и функционирование: тезисы докладов 13-го Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, 1-3 июня 2000 г., г. Москва / под ред. Е. Ф. Тарасова. М., 2000. 288 с.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНО-НАГРУЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОНЦА 19-20 ВЕКОВ)

Рожнова Екатерина Александровна
Самарский государственный технический университет

Экспрессия в языке как усиление его выразительности, изобразительности сказанного, увеличение его воздействующей силы имеет место во многих, если не во всех языковых сферах: в фонетике, грамматике, лексике, словообразовании.

Для выражения эмоций человек широко пользуется специальными вербальными средствами. Так, выражения типа "how disgusting (wonderful, charming, splendid!, etc.)", "that is terrific", "what a beautiful evening" [Jerome K. Jerome, 2002, p. 151] используются не для регистрации и констатации рациональных описаний, а для выражения эмоций говорящих, т. е. их эмоциональных состояний и эмоциональных отношений [Шаховский, 1990, с. 48]. В романах "Трое в лодке, не считая собаки" Джерома К. Джерома, "Великий Гэтсби" Фрэнсиса С. Фицджеральда, "Дневник Бриджит Джонс" Хелен Филдинг лексические единицы, обозначающие положительные эмоции, представлены в виде междометий, отдельных слов и словосочетаний.